

В октябре 2018 года в украинских масс-медиа появилась информация о том, что на 58-й Венецианской биеннале Украину представит проект «Падаюча тінь «Мрії» на сади Джардіні». В описании проекта Открытой группой, обозначенной как кураторы национального павильона, говорилось, что ««Мрія», найбільший літак у світі, кине тінь на одну з основних подій в світі сучасного мистецтва. Наповненням літака стане список всіх сучасних художників України, незалежно від стилю, віку, гендеру та ідеологічних переконань. Список живих. Майже телефонний довідник».

С того момента Открытая группа начала производство ситуации. Оттолкнемся от этого: произведение художников из Открытой группы «Падаюча тінь «Мрії» на сади Джардіні» имеет форму ситуации, развивающейся непредсказуемо и предполагающей открытый финал. Это крайне нехарактерно как для истории украинских презентаций в Венеции, так и в целом для художественной сцены сегодняшней Украины. Однако – чрезвычайно характерно для практики самой Открытой группы, которая изначально отказалась от "завершенных" произведений-объектов ради создания условий для интеракций, результат которых не прогнозируем. Открытая группа начинает игру, совершает первый бросок, производит начальный удар. После этого новые и новые действующие лица выходят на поле, совершая свои шаги, броски, удары, на ходу изобретая и меняя правила, делая видимыми закономерности взаимодействия, преодолевая хаос и создавая новые способы сосуществования. Сами же художники при этом не покидают поля, но остаются на нем уже на равных правах с прочими.

Ряд прежних проектов Открытой группы состояли в том, чтобы «нырнуть в неизвестность». Путешествие художников на катамаране по Днестру к Черному морю, прерванное на мелководье в районе Новоднестровска, или блуждания бельгийских галеристов по Закарпатью в поисках затерянного в горах дома с экспозицией, ключ от которого они купили у Открытой группы в Венеции в 2013 году – ситуации, которые предполагают, что «рассказ начнет писать сам себя» в процессе взаимодействия множества факторов. Ответственность художников из Открытой группы состоит в том, чтобы выбрать наиболее верное, симптоматическое, точное направление для первого броска. Такое направление, которое максимально эффективно спровоцировало бы вовлечение новых действующих лиц и заставило бы их раскрывать себя и совершать смыслообразующие усилия. В финале художники должны записать и рассказать ситуацию, причем этим авторам свойственен рассказ поэтический, избегающий протокольности. Ответственность же Открытой группы как кураторов состоит в том, чтобы открытая ситуация приняла экспозиционную форму в рамках украинского национального представительства в Венеции. И здесь мы сталкиваемся с противоречием между непредсказуемо развивающейся ситуацией, которую предполагает данный художественный проект, и практической реализацией некоего представительского «продукта» в институциональных рамках. Если в истории, которая была рассказана, когда проект «Тінь “Мрії”» оказался публично объявлен в качестве «национально-представительского», фигурируют «самый большой в мире самолет» и «все украинские художники», то вереница реакций, конфликтов, договоренностей и прочих действий,

последовавших за этим объявлением, сделали первостепенными совсем другие элементы проекта. «Институциональное тело» проекта «Тінь “Мрії”» как предмет ответственности кураторов оказалось в заложниках у интриги, запущенной художниками. Уточним, что сама Открытая группа настаивает в рамках этого проекта на самоопределении именно как кураторов. Поэтому данный текст – что редко бывает со статьями в каталогах – можно рассматривать как полемический по отношению к проекту.

Смысловое напряжение ««Падаючої тіні «Мрії» на сади Джардіні» строится на противоречиях между художнической и кураторской позициями, между вброшенной в публичное пространство историей-приманкой и практической реализацией проекта, а также между поэтичностью этой истории и политичностью реакций на нее. Полет «Мрії» над Венецией – это Макгаффин. Он привел сюжет в движение, а сам остался тайной. История реализации проекта и полемик вокруг него – и есть тень Мрії.

Рассмотрим элементы истории-провокации, заброшенной в публичное поле Открытой группой. Эти элементы оказались способны запустить цепную реакцию индивидуальных и массовых взаимодействий именно потому, что каждый из них попадает в ту или иную культурную или социальную болевую точку современной Украины.

Элемент первый: Замещение истории мифом. В первую очередь речь идет об истории украинского искусства, ставшей жертвой общей локальной «депривации истории», в разных формах продолжающейся по сей день. Отсутствие академической, конвенционально записанной истории искусства постсоветских десятилетий, а также радикальный пересмотр истории советской сделали украинское искусство заложником различных форм ангажированного мифотворчества. Открытая группа описывает украинских художников как «тих, хто з огляду на особисті, історичні і побутові обставини був винесений на десятиліття поза контекст глобального сучасного мистецтва, хто лишився на периферії культури так званого розвиненого світу». Дефицит ясных связей между художественными явлениями разных периодов, наличие «белых пятен» в виде исключенных персоналий, школ и течений, ситуативные скачки между потерей памяти и ее частичными реконструкциями (сегодня нам выгодно помнить одно, завтра – другое) приводят к положению, когда статья частью множества «украинские художники» может любой желающий, просто заполнив анкету. Укорениться в украинском искусстве как в устойчивой системе связей практически невозможно – этих связей не существует ни на уровне преемственности эстетической методологии, ни на уровне объединяющей теоретической дискуссии или общей институциональной инфраструктуры. Украинскому искусству можно лишь присягнуть на верность, ритуально объявить себя его частью. В нем нет места той объединяющей эмоции, которую Жак Рансьер назвал «страстью исключаящего единого». Украинское искусство теперь приглашает желающих на свою территорию с исключительным гостеприимством, более того – на территорию своего представительства, которую привычно было считать местом тщательного отбора и эксклюзии. Заполнившие анкету номинально становятся участниками и участницами Венецианской биеннале, но само это участие прекращает быть привилегией и не предполагает «знака качества». Все «войны за биеннале», которыми

отмечена украинская художественная жизнь начиная с первого проекта 2001 года, в этой оптике предстают нелепой возней. Открытая группа совершает жест отмены иерархии как таковой, обесмысливая борьбу за место на верхушке любой иерархической пирамиды. Иерархия утверждает себя, подменяя историю мифом. Художники Открытой группы обнажают механизм этой подмены.

Элемент второй: Руины модерности. Самолет Ан-225 «Мрия» – продукт XX века. И в нем экономическая (не)целесообразность смыкается с идеологически мотивированной гигантоманией. «Мрия» – сродни советским архитектурным сооружениям и произведениям монументального искусства, сегодня повсеместно гибнущим или меняющимся до неузнаваемости под наступлением как новой политики памяти, так и рыночных процессов. Но в то же время, как сам самолет, так и АНТК им. Антонова, смогли эти процессы пережить, став примером адаптации старых достижений к новым реалиям. Критики проекта сетовали на то, что советская составляющая истории «Мрии» станет бомбой замедленного действия под идеей «патриотического авиашоу», как они эту идею на тот момент понимали. Советскость «Мрии» ввела в рассказанную Открытой группой историю сюжет «меланхолии модерности» и тревожащее столкновение «дружественных» и «враждебных» смыслов, которым отмечено для Украины наследие индустриальной модернизации, социалистической экономики и идеологической пропаганды прошлого века. Двусмысленность использования в данном контексте образа созданного в 1980-х самолета соответствует сложности, коллажности, многоуровневости образа сегодняшней Украины, демонстрирует тот орнамент внутренних разрывов, которым этот образ и создается. Вместо глянцевой и беспроблемной поверхности «национального» Открытая группа показывает Украину в ее сложности.

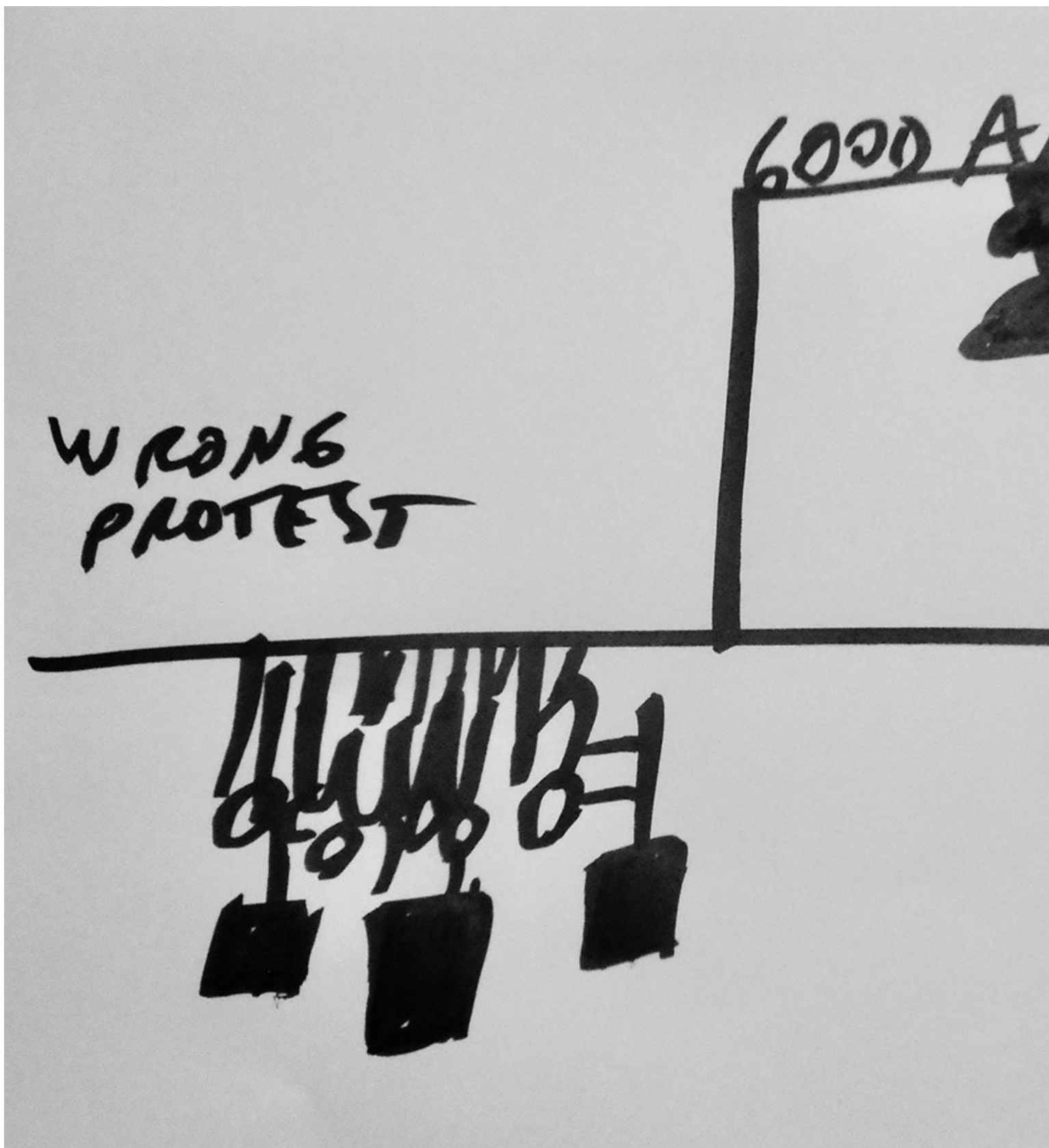
Элемент третий: Национальная мечта. Украинская “Мрія” отбрасывает тень на венецианские сады. Обитатели периферии глобального современного искусства возносятся над одним из его центров. Молодая страна совершает жест сверхамбициозный и в то же время пустотно-поэтический. Украинские прорывы и разочарования должны быть предъявлены миру – но видимыми они так и не становятся. Силуэт самолета в солнечном или облачном небе? Промелькнувшая точка, на которую никто не обратит внимания? Отсутствие даже точки? Миф про полет, которого на самом деле не было? «Все, що залишиться – міф про тінь», – говорят художники. Миф – и есть тень. Ситуация – и есть тень. Открытая группа создала образ, в котором амбиция доминирования съедает саму себя, в котором «пролететь над центром и отбросить на него тень» на самом деле означает раствориться, исчезнуть как из центра, так и с периферии.

Какие последствия имеет попадание в эти болевые точки? Отмена иерархического принципа и обнажение механизмов псевдоисторического мифотворчества вызвало агрессивное неприятие у старших, глубоко укоренившихся в местную почву украинских художников и культурных функционеров – ведь Открытая группа показала, что в Украине давно приобрела системный характер «художественная жизнь понарошку». С другой стороны, авторы младшего поколения, просуществовавшие в этой системе не так долго, увидели надежду

именно в том, что объявленный диагноз «имитация истории» станет первым шагом к излечению. Открытая группа ударила по самым основаниям объединения различных лиц с художественными занятиями в некое «национальное художественное сообщество», то есть в ячейку большого «воображаемого сообщества», которым, согласно Бенедикту Андерсону, и является нация.

Указание на проблемы наших отношений с XX веком вызвало фрустрацию у тех, кто предпочел бы не выметать сор из избы, а вместо этого шлифовать до блеска фасад национального представительства.

Эфемерное определение «Национальной мечты» дало возможность наполнить его самым разным содержанием. Кто-то увидел в проекте пример ура-патриотических деклараций, а кто-то – язвительную иронию над таковыми. Кто-то – горестное признание слабости (хоть отечественного авиапрома, хоть художественной историографии), а кто-то – превосходство слабости над силой. Кто-то – победительный «сильный жест», а кто-то – поражение как способ проявить истинное положение вещей. Особенно громкие возмущенные голоса раздались, когда дошло до темы «траты народных средств на тень». Не на привлекательное для массовой аудитории зрелище, не на «качественный» художественный объект, а на призрак, на отсутствие, на размыкание, просвет в нескончаемом производстве образов. По сути – на акт саботажа на конвейере как современного искусства, так и государственной саморепрезентации.

Учитывая далеко не только те голоса, обладатели которых хотели бы перераспределения этих средств в свою пользу, мы должны признать, что споров было не избежать. Ведь проект этот нажал на слишком много точек украинского публичного поля, связанных с центрами «национальной тревоги». В то же время, «Тінь “Мрії”» соответствует тому состоянию публичности, в котором избыточно развитый инструментарий полемики в масс-медиа и социальных сетях повсеместно одерживает победу над смыслом самих полемик, где средства превосходят цели. Открытая группа опирается на слова куратора 58-й биеннале Ральфа Ругоффа о том, что эта биеннале *«підкреслить ідею про те, що зміст твору мистецтва лежить не всередині самого твору, а в діалогах, що оточують його: автора з твором, твору з публікою, і різних публік однієї з одною ... Найважливіше у виставці*

– не те, що висить на стіні, але те, як глядач використовує досвід виставки після її закінчення» – но в то же время доводит эту позицию до ее крайнего выражения, которое многим показалось бы абсурдным. Предмет (самолет и его тень) лишь становится поводом для описанных диалогов, в которые вовлекаются различные аудитории, что вряд ли бы встретились, не будь этого повода. В состав участников «войн вокруг «Мрии» вошли такие неожиданные фигуры, как малоимущие пенсионеры, за деньги изображающие «разгневанных граждан» на пикетах под различными государственными учреждениями. Именно они стали участниками одного из протестов против реализации проекта. А в рамках полемик были затронуты темы конфликтов художественных методологий (ориентированных на зрелище или на событие), поколений в украинском искусстве (сформированных 80-90-ми или 2000-2010-ми), политик национального культурного представительства, целей участия страны в биеннале, ассоциаций, вызываемых в мире образом «украинского самолета» (сама «Мрия», но кроме нее еще и Скниловская трагедия или малазийский Boeing-777, сбитый над зоной военных действий на востоке Украины), уже упомянутые темы наследия советской модерности, замещения академической историографии мифотворчеством, наполнения “национальной мечты”, – и многое, многое другое...

Теперь перед группой, – как художниками и как кураторами, – стоит задача собрать состоявшиеся дискуссии и взаимодействия в единое повествование, в сюжет. Рассмотреть проявившиеся симптомы. Увидеть тенденции. Систематизировать информацию и сделать ее знанием. Расплести клубок сюжетных линий, вызванных к жизни объявлением о полете над Джардини. Настоящей “тенью “Мрии” стали реакции, полемики, конфликты, самоопределения действующих лиц. Все это будет рассказано.

Делом Открытой группы было не прогнать над Венецией транспортный самолет. Ее делом было инициировать ситуацию, запустить повествование. Прозвучит рассказ про тень, тот миф, который и стал настоящей “тенью “Мрии”. Как теперь мы можем использовать вынесенный из этого рассказа опыт?

Я заканчиваю этот текст, не представляя какую форму примет проект во время его показа в Венеции.

Открытая группа. Открытая ситуация. Открытый финал.